

КОНСТАНТИН
ЗВОНАРЕВ

ИСКУССТВО
РАЗВЕДКИ

РУССКАЯ АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА ВСЕХ ВИДОВ

1901 – 1918 ГОДЫ

*«В войну 1914-18 гг. печальные опыты прежних войн
в отношении агентурной разведки повторились».*

К. К. Звонарев

Искусство разведки

Константин Звонарев

Русская агентурная разведка

«Алисторус»

2026

УДК 355.40
ББК 68.23-2

Звонарев К. К.

Русская агентурная разведка / К. К. Звонарев — «Алисторус»,
2026 — (Искусство разведки)

ISBN 978-5-00269-290-3

Во второй половине 1920-х годов перед специалистами Разведывательного управления (РУ) Штаба РККА была поставлена задача «провести обширное исследование, охватывающее деятельность агентуры всех важнейших государств, принимавших участие в мировой войне». 1-й помощник начальника РУ штаба РККА (март 1924 – апрель 1926) и одновременно начальник 2-го (агентурного) отдела Управления Константин Кириллович Звонарев подготовил исследование «Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 года» (опубликовано в 1929 году), которое даже спустя 85 лет считается одним из лучших по данной теме.

УДК 355.40

ББК 68.23-2

ISBN 978-5-00269-290-3

© Звонарев К. К., 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть I	8
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Константин Кириллович Звонарев
Русская агентурная разведка всех видов
1901–1918 годы

© ООО «Издательство Родина», 2026

Вместо предисловия Об авторе и его книге

Во второй половине 1920-х годов перед специалистами IV (разведывательного) управления Штаба РККА была поставлена задача «провести обширное исследование, охватывающее деятельность агентуры всех важнейших государств, принимавших участие в мировой войне».

Результатом реализации столь глобального замысла стали подготовленные К. К. Звонаревым (настоящая фамилия Звайгзне К. К.) два тома капитального исследования: том 1 об агентурной разведке царской России и том 2 – об агентурной разведке Германии, которые вышли из печати в 1929–31 годах под грифом «Для служебных целей», издание IV управления штаба Раб. – кр. кр. Армии¹.

Первая книга посвящена русской агентурной разведке. Фактически это подробная история агентурной военной разведки Российской империи с 1901 по 1918 гг. Автор тщательно описывает эту систему, проводит обзор деятельности военных атташе, тайных агентов, военной агентуры департамента полиции до и во время Русско-японской войны. Рассматриваются проблемы взаимоотношений Военного министерства с министерствами иностранных и внутренних дел. Значительное внимание уделено вопросам реорганизации агентурной разведки в период с 1906 по 1914 гг., особенностям ее функционирования на различных театрах военных действий, дальневосточном направлении, а также под руководством штабов военных округов европейской России, Ближнего и Среднего Востока.

В отдельную главу выделена проблема подготовки агентуры к войне на Западе и Дальнем Востоке. В ней автор говорит о том, что русский Генеральный штаб не имел в мирное время системно организованной агентурной разведки и о своих противниках имел самое смутное и подчас совершенно неверное представление. При этом ГШ не предпринимал никаких реальных мер для организации агентурной сети на случай войны.

Помимо описания конкретных разведывательных мероприятий и операций во время Первой мировой войны, автор анализирует основные ошибки и промахи царского ГШ в организации и ведении агентурной, в особенности зафронтовой, разведки, обращает внимание на недостаточное использование форм, средств и методов экономической борьбы с противником, ведения так называемой «малой войны», а также робкие попытки проведения диверсионных мероприятий.

Несколько слов об этом человеке. Константин Кириллович Звонарев (настоящее имя: Карл Кришьянович Звайгзне) родился в 1892 году в местечке Швиттенское Бауского района Латвии. Участник революционного движения с 1905 года. Участник Первой мировой войны. Закончил старшим унтер-офицером.

В 1918 года начался его путь в военной разведке. «На территории, занятой австро-германскими оккупантами» (Житомир, Новгород-Волынский), выполнял «специальные задания» председателя ревкома Юго-Западного фронта – «учитывать склады военного имущества» (декабрь 1917 – апрель 1919), начальник редакционного отдела и редактор газеты политотдела 15-й армии Западного фронта (май 1919 – август 1920).

Начальник сектора «Врангель», заведующий хроникой, начальник отделения прессы Информационного отдела Региструпра ПШ РВС Республики (август 1920 – апрель 1921). Поясним, что одна из основных задач Региструпра – «в мирное и военное время добывать

¹ Звонарев, К. К. Агентурная разведка. – Москва: IV упр. Штаба раб. – кр. Кр. Армии, 1929–1931. – 2 т., Т. 1: Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. – 1929. – 213 стр., Т. 2: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. – 1931. – 163 стр.

сведения и разрабатывать их по вопросам военной, дипломатической и экономической жизни всех стран».

Помощник военного атташе при полпредстве РСФСР в Литве (апрель – декабрь 1921), военный атташе при полпредстве РСФСР в Турции (декабрь 1921 – апрель 1923).

Начальник 2-го отделения и помощник начальника Агентурной части РО штаба РККА (апрель 1923 – март 1924), 1-й помощник начальника РУ штаба РККА (март 1924 – апрель 1926) и одновременно начальник 2-го (агентурного) отдела Управления.

В резерве РККА (май 1926 – апрель 1933). Заместитель директора военного завода «Вишхимз», Вишера Уральской области (май 1926 – июль 1927), начальник Мобилизационного отдела Наркомата почт и телеграфов – Наркомата связи СССР, заместитель инспектора войск связи по совместительству (июль 1927 – апрель 1933).

Преподаватель (апрель 1933 – апрель 1934), начальник кафедры разведки, старший преподаватель разведки (апрель 1934 – март 1937) Военной академии им. М. В. Фрунзе, в распоряжении РУ РККА (март – ноябрь 1937), врид начальника 8-го (военной цензуры и службы ДД) отдела.

Репрессирован 29 ноября 1937 года. Реабилитирован 16 мая 1956 года².

² Алексеев М.А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012, с. 337–338.

Часть I

Русская агентурная разведка до Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Глава первая

Агентурная разведка разных ведомств

Министерство иностранных дел. Платная агентура. – Послы и консулы. – Рассылка агентурных материалов. – Дипломатические курьеры. – Случай с графом Игнатьевым. – «Черные кабинеты». – Работа русского «черного кабинета». – Покупка шифров и кодов. – Дипломатические разговоры

Министерство внутренних дел. Департамент полиции. – Интерес к революционным организациям. – Совместная работа полиции буржуазных стран. – Военная контрразведка. – На что тратились деньги в департаменте полиции

Министерство двора. Дворцовая агентура. – Система работы, – не деньгами, а подарками и орденами. – Личные адъютанты царей. – Определение их задач Вильгельмом II и назначения

Министерство финансов, торговли и промышленности. Интересующие их вопросы. – Способы получения сведений

Хотя целью настоящего труда является рассмотрение агентурной разведки, направлявшейся военным ведомством, мы, однако, для полноты представления, вкратце укажем и на другие ведомства, ведшие самостоятельно агентурную разведку для освещения вопросов, интересовавших эти ведомства.

В царской России не было почти ни одного ведомства-министерства, которое в том или ином виде не занималось бы зарубежной агентурной разведкой или контрразведкой. Внутри же военного ведомства, несмотря на существование специального органа разведки в Главном штабе, несколько главных управлений военного министерства вели самостоятельную агентурную разведку по узкоспециальным, их интересовавшим вопросам.

* * *

Министерство иностранных дел имело за рубежом свою платную агентуру и тратило на нее довольно солидные суммы. Эта агентура должна была добывать секретные сведения дипломатического и политического характера. Этой разведкой ведал и руководил в центре департамент политических дел министерства иностранных дел, а на местах, за рубежом – дипломатические представители: послы и консулы. Они имели платных тайных агентов для сбора нужных секретных сведений и документов. В политическом департаменте эти сведения группировались по отдельным вопросам и странам и выпускались отдельными литографированными бюллетенями, рассылавшимся почти всем центральным учреждениям и русским дипломатическим представительствам за границей. Каждое сведение, помещенное в бюллетене, сопровождалось указанием его официального источника (посольства или консульства).

Нередко в них помещались без всяких изменений дешифрованные телеграммы послов и консулов. Иногда такого рода бюллетени рассылались заграничным адресатам по обычной почте, правда, с надписью «Совершенно секретно в собственные руки» и в пакетах, запечатанных сургучной печатью. Понятно, что «черные кабинеты» иностранных государств имели полную возможность ознакомиться с содержанием такого рода «совершенно секретных» пакетов. ... Так называемыми «дипломатическими курьерами» в то время пользовались крайне редко, в особо важных случаях, да притом и состав этих дипломатических курьеров допускал возможность при помощи определенной суммы денег ознакомиться с содержанием порученной им архисекретной и важной почты. До чего плохо обстояло дело в этом отношении, показывает следующий факт, рассказанный бывшим царским цензором С. Майским³.

«... Про графа Н. П. Игнатьева в „черном кабинете“ сохранилось предание, что он, будучи послом в Турции, отправлял свои донесения в простых (не заказных) письмах, заделанных в грошовые конверты, которые пролежали некоторое время вместе с селедкой и мылом, и заставлял своего лакея писать адрес не на имя министра иностранных дел, коему письмо предназначалось, а на имя его дворника, или истопника, по частному адресу. Вот такие меры предосторожности, пожалуй, действительно спасали его корреспонденцию от перлюстрации. Прибегал же Игнатьев, по преданию, к таким мерам потому, что, будучи еще русским военным атташе в Лондоне, он получил однажды письмо из Петербурга со следами оттиска почтовых штемпелей всех на одной стороне вложения, хотя на конверте штемпеля были положены одни на лицевой, а другие на клапанной стороне конверта. Оттисками этих штемпелей можно было безусловно доказать, что его письмо было перлюстрировано в Лондоне, или на британских островах, и Игнатьев упрекнул великобританского министра иностранных дел в том, что его подчиненные вскрывают письма члена русской миссии: министр дал честное слово лорда, что в Англии „черного кабинета“ не существует, уличенный же оттисками штемпелей в противном, он, смеясь, заметил: „А что же я, по вашему, должен быть сказать? Неужели вы думаете, что нам не интересно знать, что вам пишет ваш министр и что вы ему доносите про нас?“»

Но и само русское министерство иностранных дел, в свою очередь, при помощи «черного кабинета», подчиненного министру внутренних дел, извлекло много ценных сведений из переписки иностранных послов со своими правительствами. О том, как эта «операция» производилась, рассказывает тот же Майский в указанной выше брошюре:

«... Эта корреспонденция получалась в Петербурге и отправлялась за границу в особых постпакетах и была большею частью зашифрована с помощью кода и запечатана одной или несколькими печатями. Все эти предосторожности, однако, не спасали ее от перлюстрации, так как, во-первых, она попадала в „черный кабинет“ полностью в своем постпакете. Попадала она туда и тогда, когда сдавалась на почту всего за несколько минут до заделки постпакета перед отправлением его на вокзал. Во-вторых, – потому, что в секретной экспедиции имелась полная коллекция безукоризненно сделанных металлических печатей как всех иностранных посольств, консульств, миссий и агентств в Петербурге и министерств иностранных дел за границей, так и всех послов, консулов, атташе, министров и канцлеров. С помощью печаток вскрывать и заделывать эту дипломатическую переписку, без малейшего следа вскрытия, не представляло никаких затруднений. В-третьих – потому, что имелись шифрованные коды всех стран, с помощью которых эта корреспонденция свободно читалась и переводилась уже не в „черном кабинете“, а в другом, однородном с ним учреждении при министерстве иностранных дел, куда попадали копии со всех получаемых посольствами и отправляемых ими зашифрованных телеграмм. В особо важных случаях туда попадали и такие ультрасекретные донесения, которые отправлялись со специальными курьерами в кожаных портфелях с замком. Для получения такого рода корреспонденции пускался в ход презренный металл и не

³ См. С. Майский. Черный кабинет. Изд. «Былое», 1922 г.

было случая, чтобы золото не открывало замка портфеля и не давало возможности всего на несколько минут взглянуть глазом объектива фотографического аппарата на содержание тщательно запечатанных вложений портфеля. В этих делах все сводилось только к тому, во сколько червонцев обойдется вся эта манипуляция. Здесь кстати будет заметить, что все (или почти все) эти курьеры, фельдъегеря, служители и пр. были подкуплены. За весьма небольшую мзду, выплачиваемую им ежемесячно или поштучно, они приносили в указанное место не только все содержимое корзины у письменного стола своих господ, но и копировальные книги из их канцелярий, черновики их писаний, подлинники получаемых писем и официальных донесений и даже целые коды и шифровые ключи. Для достижения этого им приходилось иногда брать у спящих господ ключи от их письменного стола или от несгораемого шкафа, снимать с них отпечаток из воска и заказывать дубликаты ключей, или пускать ночью в канцелярию посольства таких лиц, которые могли бы выбрать то, что было нужно. Поражаться надо было доверию некоторых послов к своим лакеям, которые их продавали за гроши.

Однажды произошел такой случай: вместо одного посла великой державы был назначен другой, который должен был с собой привести весь новый штат служащих, так как прежний посол старым своим слугам не доверял, но в письме к новому послу очень ходатайствовал за одного, по его выражению „незаменимого“ человека, своего выездного лакея, т.е. именно за то лицо, которое за незначительное месячное вознаграждение доставляло из посольства все, что было угодно...»

Шифры и коды, однако, приобретались не только при помощи служащих посольств. Они покупались также в Париже и Брюсселе, где у известных лиц имела открытая торговля иностранными кодами и шифрами.

Приведенная выше довольно длинная выписка подтверждает ту кипучую агентурную деятельность, которую вело царское министерство иностранных дел не только за границей через своих официальных представителей, но и в самой России при помощи «черного кабинета» и специальной агентуры в иностранных посольствах и в других дипломатических учреждениях.

За границей представители министерства иностранных дел пользовались не только специальными тайнами агентами, но и всякими встречами и разговорами с разными официальными лицами и общественными деятелями. Например, по словам А. А. Половцева⁴ бывший посол в Японии перед войной 1904–1905 гг. Извольский говорил ему, что он сообщал министерству иностранных дел сведения о японских военных приготовлениях, полученные им «от военных агентов иностранных держав и преимущественно Франции».

Кроме того, необходимо также указать, что ни одно ведомство без ведома и содействия министерства иностранных дел не имело возможности послать своих агентов за границу и более или менее сносно их там маскировать. Хотя и неохотно и не всегда, но министерство иностранных дел эти услуги все же оказывало, взамен чего, согласно существовавшим правилам, послы и пр. представители министерства иностранных дел имели право знакомиться с материалами, добытыми агентами других ведомств.

Все это вместе взятое ставило министерство иностранных дел в смысле осведомленности в довольно выгодное перед остальными ведомствами положение.

* * *

Министерство внутренних дел или, вернее, его департамент полиции также имел за границей свою самостоятельную агентуру. Основной задачей этой агентуры являлось освещение русских революционных организаций и отдельных революционеров и их деятельности заграни-

⁴ См. Дневник А. А. Половцева // Красный Архив. Т. IV.

цей. Страны, в которых русские политические эмигранты чаще всего находили себе убежище, были наводнены агентами департамента полиции. Эти агенты существовали и «работали» почти совершенно открыто и были известны местным властям. Несмотря на такое выгодное положение, департаменту полиции, однако, казалось, что дело можно устроить на еще более прочных и обширных основаниях, если заключить официальное соглашение с некоторыми правительствами о совместной объединенной борьбе с революционным движением. Проекты такого рода соглашения несколько раз предлагались русскими царями Германии, но не встречали сочувствия. Департамент полиции, однако, не унывал и самостоятельно, на свой страх и риск, входил в частные тайные соглашения с германской полицией. Последняя за плату оказывала услуги русской полиции по преследованию русских политических эмигрантов. Услуги эти оказывались тайком, но все же кое-что из этой области стало общеизвестным. Так, например, запрос германских социал-демократов в Рейхстаге 19 января 1904 года о деятельности русских полицейских шпионов и о содействии им германской полиции обрисовал картину весьма сердечной совместной деятельности германской полиции со шпионами русской полиции⁵.

Помимо этой деятельности, департамент полиции до 1911 г. имел в своих руках также и военную контрразведку. Но, по сравнению с первой, эта часть его деятельности была в загоне. Заграничная агентура в целях военной контрразведки почти не использовалась. Главная ставка ставилась департаментом полиции на подкуп сотрудников иностранных посольств и внешнее наблюдение. Результаты военной контрразведывательной деятельности департамента полиции были настолько слабы и стоили так дорого, что, после долгих споров, в 1911 году Генеральный штаб взял военную контрразведку в свои руки.

В ведении министерства внутренних дел, как это было уже указано выше, находился также и «черный кабинет», территориально расположенный в главном почтамте.

Как и на что департамент полиции тратил ассигнованные на эту разнообразную агентурную деятельность средства, показывает хотя бы следующий факт, рассказанный А. В. Богданович⁶.

«...Галкин тоже говорил, что Черевин и другие дополнили сведения Шишкина насчет безобразий, которые производил Дурново (полиция) в течении пяти лет: посылал своих любовниц агентами тайной полиции в Париж, давал 5.000 рублей на путешествие, и, не бывши уверенным, что там они останутся ему верны, отправлял туда же следить за их поведением настоящих сыщиков. А тут думали, что все это делается с целью государственной охраны».

Можно было бы провести бесконечное количество аналогичных примеров деятельности департамента полиции.

* * *

Министерство двора также вело самостоятельную зарубежную агентурную разведку. Эта агентура занималась главным образом собиранием разных придворных сплетен, выяснением и освещением дрязг, склок и вообще закулисной интимной жизни иностранных дворов. Мимоходом, в зависимости от наклонностей и способностей главного агента, изредка освещались также вопросы политические, дипломатические и военные. Эта агентура по количеству действовавших в ней лиц не была обширной, но зато она была прекрасно обставлена, с большими возможностями и снабжена весьма крупными суммами денег. Руководили этой агентурой специальные доверенные русского царя при дворах иностранных монархов. Официальное назначение этих высокопоставленных шпионов Вильгельм II определял следующими словами⁷:

⁵ См. Азиат. Русские шпионы в Германии. Изд. Ф. Готтгейнера, Берлин, 1904.

⁶ См. А. В. Богданович. Дневник. Три последних самодержца. Изд. Л. Д. Френкеля, Москва, 1924 г.

⁷ См. Переписка Вильгельма II с Николаем II.

«Принимая во внимание наши близкие отношения, – писал Вильгельм Николаю Романову, – и частый обмен письмами и сообщениями, чем постоянно и напрасно приводится в движение сложный механизм посольств, не хочешь ли ты возобновить старый обычай, соблюдавшийся нашими предками около ста лет, а именно иметь каждому из нас при своем штабе личного адъютанта? Дела более интимного и частного характера могли бы идти, как и в прежние времена, непосредственно через них, и сношения благодаря этому значительно упростились бы. Я бы с удовольствием принял в мой „maison militaire“ кого-нибудь из лиц, которым ты действительно доверяешь, а ты не желаешь ли иметь Мольтке?»

В другом письме (№ 56, от 6. VI.1904 г.) Вильгельм опять пишет Николаю Романову по тому же вопросу.

«В качестве военного атташе я выбрал майора графа Лансдорфа – моего личного адъютанта. Я дал ему инструкции, чтобы он считал себя исключительно состоящим при твоей особе, как это бывало во времена Николая I и Александра II. В своих донесениях он ответственен только передо мной лично, и ему раз навсегда запрещено входить в сношения с кем-либо другим, будь то генеральный штаб, министерство иностранных дел или канцлер. Таким образом, ты можешь доверить ему какие угодно поручения, запрос, письмо и т.д. для меня и пользоваться им в любом деле в качестве непосредственной связи между нами. Если бы ты пожелал прислать кого-нибудь из твоей свиты, кто бы пользовался твоим полным доверием, то я принял бы его с удовольствием, так как считаю крайне необходимым, чтобы во время серьезных событий ты мог бы в случае надобности возможно быстрее сноситься со мной, без громоздкого и нескромного аппарата канцелярий посольств и т.д.»

Эти личные адъютанты, с такими скромными официальными задачами, имели поручения весьма секретного характера, как это видно хотя бы из дневника Татищева, бывшего до войны 1914–1918 гг. представителем Николая Романова при Вильгельме. Разница в исполнении этих поручений шпионами обычного типа и личными адъютантами заключалась в том, что последние прямым подкупом для получения нужных им сведений пользовались в виде исключения и крайне редко. Они предпочитали оплачивать своих вольных и невольных агентов дорогими подарками, выклянчивать для них ордена и т.д. Но главным их излюбленным способом собирания сведений были кутежи, обеды, интимные чаепития, балы и т.п. Понятно, что такого рода постановка собирания секретных сведений стоила громадных сумм денег и допускала возможность самых беззастенчивых злоупотреблений со стороны этих царских доверенных. Но этим тогда не смущались, лишь бы побольше пикантных и интимных сплетен давал такой агент из жизни двора, к которому он был приставлен.

* * *

Министерства финансов, торговли и промышленности также имели самостоятельные зарубежные агентуры. Интересовались они главным образом секретными сведениями финансового, коммерческого и экономического характера. Эти данные добывались официальными агентами указанных ведомств, находившимися при заграничных посольствах. Сбор сведений они производили главным образом из официальных и неофициальных периодических и других специальных изданий, посредством банков, коммерческих и промышленных предприятий и т.д. Для этих целей они старались использовать услуги отечественных коммерсантов и финансистов, имевших дела с заграничными коммерческими предприятиями и банками.

Однако, насколько можно судить по имеющимся данным, эти агентуры были довольно слабы, и, как только представлялась необходимость добыть более или менее важные и секретные сведения, все министерства обращались за содействием к министерствам военному или иностранных дел. Так, например, еще в июне 1839 г. командир корпуса горных инженеров

обратился к послу в Берлине П. К. Мейендорфу с письмом, в котором писал, что «царь поручил министерству финансов (пути сообщения в то время находились в ведении министерства финансов. – К.З.) наблюдать за ходом и успехом устройства железных дорог в других странах и для того собирать благовременно все по сей части сведения». От Мейендорфа требовались сведения о железных дорогах Пруссии.

Глава вторая

Взаимоотношения ведомств, ведших агентурную разведку

Отсутствие объединения разведывательной деятельности разных ведомств. – Преимущественное положение министерства иностранных дел. – Вражда министерства иностранных дел с военным ведомством и трогательное единение и согласие с министерством внутренних дел. – Обсуждение вопросов военной разведки министрами: военным, иностранных дел и внутренних дел. – Протокол совещания забыт его участниками. – Министерство иностранных дел продолжает издеваться над военным ведомством. – Проекты организации агентурной разведки в Германии и Австро-Венгрии

Разведывательная деятельность различных ведомств объединена не была. Каждое из них работало на свой страх и риск, ничего не зная о том, что делается и что добывается другим ведомством. Все ведомства, ведшие зарубежную разведку, волей-неволей вынуждены были иметь постоянный односторонний контакт с министерством иностранных дел по поводу отправки того или иного сотрудника за границу, поддержания с ним связи и т.д. Ввиду того, что сотрудники всех остальных ведомств за границей официально в порядке общей службы подчинялись послу, они вынуждены были показывать или даже давать копии своих донесений и докладов последнему.

Министерство иностранных дел прекрасно учитывало эти обстоятельства и старалось использовать их в своих чисто ведомственных интересах. Больше того, при малейшем отказе исполнить какой-либо каприз министерства иностранных дел, оно вставляло палки в колеса разведывательной деятельности такого смелого ведомства. Особенно сильно в этом отношении страдало ведомство военное.

Единственно, с кем у министерства иностранных дел существовало трогательное единение и согласие – это с департаментом полиции министерства внутренних дел. К этому имелось много разнообразных причин, но главными из них были следующие.

1. В руках министерства внутренних дел находился «черный кабинет», дававший министерству иностранных дел много ценнейших документов из дипломатической почты иностранных государств.

2. При желании департамент полиции мог сильно препятствовать министерству иностранных дел при выдаче сотрудникам последнего свидетельств о благонадежности, необходимым для выезда за границу, как это и проделывалось неоднократно с офицерами, посылавшимся за границу военным ведомством.

3. Министерство иностранных дел для поддержания своих акций за границей было крайне заинтересовано в успешной борьбе с революционным движением внутри России.

«Козлом отпущения» для всех капризов министерства иностранных дел являлось военное ведомство, не сумевшее себя поставить на должную высоту. Оно и шага не могло сделать без того, чтобы не встретиться, в том или ином виде, с противодействием министерства иностранных дел. Этот антагонизм дошел до того, что в июне 1892 г. по приказанию царя понадобилось созвать специальное совещание, состоявшее из министров: военного, иностранных и внутренних дел. Предметом обсуждения на совещании явился вопрос «о своевременном приведении русской армии на военное положение в случае разрыва с нашими западными соседями». Протокол совещания был утвержден царем. В результате этого совещания военное министерство получило следующее задание: «Чтобы при объявлении нам войны не быть застигнутыми врасплох, получать из Германии и Австро-Венгрии возможно точные сведения о всех военных приготовлениях от наших миссий, консульств и других агентов».

Для этой цели на военного министра было возложено:

1. Принятие мер к ознакомлению наших консулов в Германии и Австро-Венгрии с техникой приведения их вооруженных сил в военное положение.

2. Содержание тайных военных агентов при консулах, пребывающих в наиболее важных в военно-политическом отношении пунктах.

Казалось бы, постановления этого совещания, утвержденные царем, являлись как бы законом для царских чиновников и подлежали немедленному проведению в жизнь. В действительности же дело обстояло совершенно иначе. Вначале военное министерство принялось весьма горячо за создание агентурной сети в пограничных районах соседних государств. Позднее, натолкнувшись на пассивное, а нередко и активное, и даже открытое сопротивление министерства иностранных дел, громадные формальности и канцелярщину, военное министерство охладело и в конце концов махнуло рукой на постановления совещания и на надпись царя «быть по сему». Министерство иностранных дел в течение 12 лет почти регулярно через каждые два-три года запрашивало военное министерство: что сделано военным ведомством для проведения в жизнь постановлений совещания 1892 г.? Каждый такой вопрос неизменно сопровождался критикой слабых мероприятий и нерешительности военного ведомства и сообщением, что «министерство иностранных дел слагает с себя ответственность за могущие быть последствия от неисполнения высочайшей воли».

В первое время военное ведомство аккуратно отвечало на эти запросы министерства иностранных дел, не подозревая, видимо, об их истинном смысле и цели. Но позднее, когда оно поняло, что министерство иностранных дел своими запросами как бы показывает свою громадную заинтересованность в хорошей поставке военной разведки, а с другой стороны, всеми силами тормозит налаживание этого дела, – оно перестало отвечать.

Приведенная выдержка из постановлений указанного совещания показывает также, что военная разведка была поставлена настолько слабо, и военное ведомство было настолько беспомощно, что потребовалось обсуждение вопросов военной разведки в компании министров иностранных и внутренних дел.

Весьма характерный пример из области взаимоотношений министерств военного и иностранных дел приводят в своем дневнике А. А. Половцев⁸.

«...Завтракает у нас посланник в Копенгагене Извольский. Рассказывает главные черты своего пребывания посланником в Японии. У него на глазах создавались армия и флот, предназначенные для войны с Россией. О таковых приготовлениях Извольский писал министру иностранных дел Ламздорфу, который не обращал на его донесения внимания, полагая, что это составляет обязанность военного агента, а между тем военным агентом был Ванновский, попавший на эту должность исключительно потому, что он был племянником военного министра. Ванновский ничего не сообщал Извольскому на том основании, что военные приготовления не касаются дипломата, так что Извольскому приходилось собирать эти сведения от военных агентов иностранных государств, преимущественно французского».

Аналогичных примеров имеется бесконечное количество. Они дают убийственную характеристику обоим этим ведомств, не сумевших подняться выше мелких дрызг и склок ради общего дела.

Во исполнение постановлений совещания 1892 года министерство иностранных дел решило провести в жизнь следующие мероприятия:

1. Предпринять некоторые новые назначения пограничных консулов,

2. Поручить своей 1-й экспедиции снабдить всех пограничных консулов в Пруссии и Австрии однообразным шифром для сношений с Берлином и Венной, генерал-губернаторами Варшавы, Вильно и Киева, а также для сношений между собой,

⁸ См. А. А. Половцев. Дневник // Красный Архив. Т. IV.

3. Предложить посланникам в Дании и Швеции, а также послу в Лондоне подыскать доверенных лиц, которым консулы могли бы адресовать вышеупомянутые телеграммы,
4. Поручить 1-й экспедиции составить словарь условного языка для открытых телеграмм,
5. Поручить генеральному консулу в Данциге барону Врангелю главный надзор за единством в действиях прочих консулов в Пруссии,
6. Снабдить последнего особым шифром для сношений с Варшавой и Вильно.

В декабре 1895 года посол в Берлине Остен-Сакен сообщил министру иностранных дел, что из всех указанных выше преднамерений министерства иностранных дел отчасти исполнены лишь первые три пункта, и то не вполне. Так, например, вице-консул в Торне не назначен, несмотря на всю важность этого пункта. Во всей Познанской области, населенной поляками и имеющей с Россией общую границу на сотни верст, не имеется ни одного русского агента. Из трех русских миссий в Германии только один граф Муравьев ответил Остен-Сакену, что требуемая «личность для передачи депеш им отыскана».

Последние же три пункта оставались неисполненными. Генеральный консул барон Врангель никаких письменных приказаний и инструкций «о главном надзоре за единством действий консулов» не получил и даже не знал, «чего он может требовать от них – ему ни в чем не подчиненных, а тем более от военных агентов в Кенигсберге или будущего – в Торне».

Особого шифра для сношений с генерал-губернаторами Варшавы и Вильно Врангель также не получал.

Далее Остен-Сакен указывал, что выбор кандидатов на пограничные консульские посты в Мемеле, Кенигсберге, Торне и Бреславле, а в особенности в Данциге, должен производиться, ввиду трудности и ответственности возлагаемых на них поручений, крайне осмотрительно. При выборе этих лиц такт, знания, опытность и безукоризненное прошлое, по мнению Сакена, «будут играть важную роль». Он отметил, что Прусское правительство зорко следит за русскими пограничными агентами, понимая их значение, и поэтому «мы должны быть вдвойне осторожны в выборе». Но это исполнялось министерством иностранных дел далеко не всегда. Как на пример неудачного подбора консулов Сакен указал на двух бывших консулов – Платона в Бреславле и Эбергарда в Мемеле.

Кроме того, он указывал на желательность выбора консулов на пограничные пункты преимущественно из среды бывших военных, поступающих на службу в министерство иностранных дел...

Остен-Сакен считал, что всем пограничным консулам необходимо назначить штатных секретарей или вице-консулов из числа русских чиновников, ибо «присутствие и службу в их канцеляриях прусско-подданных я считаю неуместными и опасными. Нельзя забывать, что к пограничным консулам беспрестанно командированы с секретными поручениями чиновники и офицеры разных ведомств и что в делопроизводстве находится масса дел самого доверительного характера. Кроме того, в этих консульствах хранятся шифры трех министерств: военного, внутренних и иностранных дел... Ни Германия, ни Франция этого не допускают в своих консульствах. Так, например, в Данциге и Кенигсберге выяснилось, что эти лица состояли на содержании прусской полиции. Эти же иностранцы должны заменять наших пограничных консулов во время их служебных разъездов, отпусков, болезни и принимать секретные депеши и разных чиновников и офицеров, командированных в Пруссию...»

Эти выдержки из доклада Остен-Сакена показывают, как мало было сделано министерствами иностранных и военных дел для организации военно-политической разведки на западе.

Министерство иностранных дел ответило Остен-Сакену, что оно с благодарностью принимает высказанные им мысли, и на этом успокоилось.

Через девять лет, а именно – 13 мая 1904 года, министр иностранных дел писал Остен-Сакену, между прочим, следующее:

«...Имею честь обратиться к вашему сиятельству с покорнейшей просьбой сообщить мне самым доверительным образом ваш отзыв по нижеследующим вопросам:

1. Снабжены ли наши консула в пограничных местностях инструкцией от Главного штаба и необходимыми сведениями о современной организации и расположении германской армии в приграничных провинциях?

2. Имеют ли означенные консула шифр для сношений непосредственно с Главным штабом и воинским начальством русских пограничных округов?

3. Приисканы ли те частные лица, через которых предполагалось совещанием передавать от консулов Главному штабу сведения чрезвычайной важности, и выработан ли словарь условного языка для сношений этих частных лиц?

4. Организован ли и как контроль посольства над означенной деятельностью консулов?

В том случае, если осуществление указанных мероприятий встретило какие-либо затруднения и по каким-либо соображениям не было еще приведено в исполнение в той или другой части, я просил бы ваше сиятельство сообщить мне, равным образом ваше мнение, признаете ли вы ныне современным возбуждение вопроса о пересмотре условий, выработанных совещанием 1892 года, системы собирания военно-политических сведений, поскольку дело относится к подведомственным вам консулам, или полагаете, что современная организация нашей военной агентуры в Германии в достаточной степени обеспечивает собирание предусмотренных совещанием 1892 года данных...»

На это письмо министра иностранных дел Остен-Сакен ответил (21 мая 1904 г.), что возложить требуемые обязанности на пограничные консульства без предварительной реорганизации их состава было бы делом по меньшей мере рискованным, так как обязанности эти носят специальный и доверительный характер и требуют специальных, тщательно выбранных агентов, обладающих, кроме военных познаний, утонченным тактом, испытанностью и добросовестностью.

Применение выработанного секретным совещанием 1892 года проекта, по словам Остен-Сакена, не состоялось, и никаких дальнейших предписаний для осуществления этого проекта получено не было.

Далее Остен-Сакен писал: «Не считая себя компетентным в военном деле, я затрудняюсь ответить на предложенный мне вами вопрос, насколько современная организация нашей военной агентуры достаточно обеспечивает собирание предусмотренных совещанием 1892 г. данных. Скажу только, что при строго добросовестном отношении к своему долгу прусской администрации, добывание секретных сведений предоставляется для наших военных агентов весьма трудным и рискованным делом. К тому же надзор за последними ведется весьма тщательный. Не берусь судить о результате их деятельности, который более известен Главному штабу.

Что же касается до современности пересмотра условий совещания 1892 года, то оно, казалось бы, было в настоящее время нежелательным.

Вряд ли новое устройство собирания сведений военно-политического характера ускользнуло бы от внимания здешнего правительства, что могло бы вызвать весьма нежелательные и даже опасные для нас последствия. Возбуждение подозрения германского правительства против нас ослабило бы добрососедские отношения его к настоящим затруднениям на Дальнем Востоке...»

На этом вопрос о создании агентурной сети на западе согласно постановлениям совещания 1892 года и закончился.

Как видим, дело вперед не подвинулось, и все осталось по-старому, т.е. никакой агентурной сети создано не было...

Глава третья

Агентура военного ведомства

Органы агентурной разведки и их штаты в военном ведомстве. – Отсутствие объединения разведывательной деятельности разных учреждений военного ведомства. – Результаты несогласованности и необъединенности в деле разведки, провалы агентов

Военное ведомство имело специальный орган по ведению военной агентурной разведки в иностранных государствах. Название и подчиненность этого органа менялись соответственно реорганизациям военного ведомства. Например, в 1812 году агентурной разведкой ведал «военно-ученый комитет», непосредственно подчиненный военному министру. В 1815 году этот «комитет» перешел в непосредственное подчинение начальника вновь созданного Главного штаба. При реорганизации центрального военного аппарата в 1903 году «военно-ученый комитет» был упразднен, и вместо него создано VII отделение (статистика иностранных государств) 1-го военно-статистического отдела управления 2-го генерал квартирмейстера Главного штаба.

Согласно приказу по военному ведомству № 133 от 11/IV-1903 г., VII отделение состояло из:

«Начальника отделения (полковник Генштаба) 1.

Столоначальников (штаб, офицеры Генштаба) 8.

Их помощников (овер-офицеры или подполк. генштаба) 8».

Всего, таким образом, было 17 офицеров Генштаба, к которым нужно еще добавить писарей, военных чиновников и прикомандированных офицеров.

Задачи «отделения по военной статистике иностранных государств» в том же приказе (§ 13, п. 2) определены следующим образом:

«Сбор, обработка и издание военно-статистических материалов по иностранным государствам. Переписка по военно-агентурной части. Командирование офицеров с научными целями. Рассмотрение изобретений по военной части».

Как видим, здесь полное смешение добывающих (оперативных) и обрабатывающих функций в одном органе, даже без выделения хотя бы небольшого оперативного аппарата. Понятно, что такая структура крайне вредно отзывалась на работе, вносила в дело путаницу, и работа хороших результатов давать не могла. Это обстоятельство дало себя почувствовать вскоре же после выхода указанного приказа и было учтено VII отделением. Один из сотрудников этого отделения – капитан Никольский – представил доклад по начальству, в котором указал, что «с первых же дней действий новой организации выяснилась необходимость иметь начальнику военного статистического отдела, в непосредственном ведении, Особое делопроизводство по личному составу военных агентов, вместе со всеми делами по негласной агентуре и денежным суммам».

Из дальнейшего доклада капитана Никольского выяснилось, что Особое делопроизводство, не предусмотренное штатами, было создано «домашним способом», посредством возложения этих обязанностей на двух офицеров из числа 17 штатных сотрудников VII отделения. Таким образом, явочным домашним порядком был создан как бы оперативный орган, непосредственно ведавший официальными и тайными военными агентами. Он ведал их назначением, вел им учет, кое-когда давал задания, высылал им деньги, получал от них отчеты, донесения и доклады, вел с ними переписку, – т.е. являлся исполнительным органом начальника военного-статистического отдела.

Таким образом, разделение функций произошло. Но оно ударило в другую крайность и вылилось в уродливые формы – полной обособленности добывающих и обрабатывающих

органов. Настолько ненормальной была эта обособленность, что начальник обрабатывающего органа Михельсон вынужден был писать, что «вопрос по военной агентуре чрезвычайно важен и сложен, но в VII отделении нет многих данных по этому вопросу, так как все сношения с агентами и даже посылка инструкций им для разведки (курсив Михельсона) делалась всегда помимо VII отделения». Другими словами, даже задания вырабатывало Особое делопроизводство без ведома и участия обрабатывающего органа – VII отделения.

Бичом Особого делопроизводства Военно-статистического отдела была весьма частая, ненормальная смена личного состава. Так, за время с 1-го мая 1903 г. по 1-е марта 1905 г. в Особом делопроизводстве переменялось 6 офицеров, т.е. весь его состав переменялся три раза. Капитан Никольский объяснил это явление тяжелым материальным положением и полным недостатком получаемого содержания, принуждавшими офицеров искать заработка на стороне, что «сильно вредило успеху всего дела». «При невозможности иметь частную работу, – по словам Никольского, – офицер уходит из Петербурга; невозможность же эта обусловливается частью тем обстоятельством, что занятия, по необходимости, в Особом делопроизводстве оканчиваются позднее, нежели во многих других отделениях Главного штаба. Частые перемены в личном составе делопроизводства крайне нежелательны, так как без надобности посвящают большое число в организацию негласной разведки...»

Местными органами военно-статистического отдела по сбору сведений об иностранных армиях являлись:

1. Официальные военные агенты (атташе),
2. Негласные военные агенты при консульствах, миссиях и посольствах,
3. Офицеры, командировавшиеся за границу под тем или иным благовидным предлогом и
4. Отчетные отделения штабов военных округов (номинально, ибо они не были подчинены военно-статистическому отделу).

Здесь, однако, необходимо оговорить, что помимо VII отделения и его местных органов, указанных выше, военной разведкой совершенно самостоятельно и независимо занимались также и некоторые другие центральные управления и отделы военного министерства, как, например, искусственное отделение главного инженерного управления, главное артиллерийское управление, главный крепостной комитет, главный морской штаб и т.д.

Никакой координации и объединения разведывательной деятельности этих учреждений не было. Одно учреждение не знало, что делается, что имеется в другом учреждении и что им предпринимается. Сплошь и рядом одна и та же работа проделывалась разными управлениями военного министерства. Так, например, разведчик главного инженерного управления получил сведения о постройке в 1896 году двух фортов в одной из германских крепостей. Разведчики штаба Варшавского военного округа обнаружили эти же форты в 1904 г. Штаб округа, как о чем-то новом, сообщил эти сведения Главному штабу, получившему их уже раньше из главного инженерного управления, тоже случайным путем.

Или следующий пример. Штаб Варшавского военного округа, производя разведку военных железнодорожных платформ в пограничной полосе Германии, сделал из их расположения свои выводы для отчетной работы. Тоже самое сделал и штаб Виленского округа. Когда же потом в VII отделении свели данные (без выводов) обоих округов, то получилась совершенно разноречивая картина, ускользнувшая от штабов обоих округов благодаря тому, что между ними не было контакта и обмена сведениями.

Очень часто несогласованность в работе разведки вредила делу и приводила к расшифрованию разведывательной работы. Так, например, случилось в отношении русской разведки в Галиции. Галиция была отведена для разведки штабу Московского военного округа, так как именно там должна была развернуться в случае войны формируемая им полевая армия. Но тот же район входил в сферу разведки штабов Киевского и Одесского военных округов, VII отделения Главного штаба и главного инженерного управления, благодаря чему в этом рай-

оне получилось большое скопление разведчиков, главным образом офицеров Генштаба, приезжавших под разными предлогами для рекогносцировки этой местности. Понятно, что это не могло не привлечь внимания австрийской контрразведки, в результате чего провал следовал за провалом...

В таком положении центральный орган агентурной разведки находился вплоть до новой реорганизации центрального аппарата военного ведомства, последовавший после Русско-японской войны.

Глава четвертая

Официальные военные агенты (атташе)

Узаконение института военных атташе. – Агентурная работа русского полковника Чернышева. – Запрещение военным агентам заниматься агентурной разведкой. – Подбор военных агентов и его результаты. – Оценка японской армии русскими военными агентами, ген. Куропаткиным и ген. Ивановым. – Посылка во главе русской эскадры во Францию адмирала, не знавшего французского языка, и мотивы этой посылки. – Взаимоотношения военных агентов с послами. – Оценка германской армии русским послом Шуваловым. – Отпуск средств военным агентам на агентурную работу

После узаконения в 1864 году института военных агентов (атташе) в первое время считалось, что они должны все необходимые сведения добывать только совершенно легальным путем, не прибегая к подкупу, т.е. шпионажу. Но история этого вопроса показывает, что изредка все же попадались среди военных агентов люди, решавшиеся ради пользы дела рисковать карьерой и развивавшие работу по разведке шире тех легальных рамок, в какие их желало поставить так называемое международное право. Так, известно, что еще задолго до официального признания института военных агентов, а именно в 1809 г., русский полковник Чернышев, состоявший неофициальным военным агентом при Наполеоне, занимался шпионажем в довольно широком масштабе и доставлял России сведения о самых тайных замыслах Наполеона. Последний это знал, но, не желая преждевременно раскрывать свои карты, лишь в 1812 году под благовидным предлогом (отвоз письма русскому царю) отправил Чернышева в Россию.

Но среди военных агентов России очень редко появлялись «Чернышевы», которые на свой страх и риск, а в большинстве случаев, особенно в первое время, и на свои собственные средства взялись бы создавать агентурную сеть. Почти до самого начала Русско-японской войны Россия не поручала своим официальным военным агентам сбора сведений тайным образом, а если бы даже такое требование и было предъявлено, то навряд ли из этого вышло что-либо положительное. Объясняется это подбором людей, назначавшихся на должности военных агентов России за границей исключительно из среды аристократов и придворных, служивших в гвардии. В военные агенты в то время можно было попасть лишь по высокой и солидной протекции. Одни фамилии военных агентов России в конце девятых годов весьма красноречиво говорят об этом. Вот для примера несколько из них: флигель-адъютант полковник князь Витгенштейн – в Париже; генерал-майор барон Торнау – в Вене; генерал адъютант Адельберг 3-й – в Берлине и т.д.

Понятно, что аристократам этого сорта было не до разведки, к ней они способны не были. Они умели блестяще вести себя в обществе, ухаживать за дамами, выпивать, танцевать на великосветских и придворных балах и самое большее – купить и выслать в военное ведомство один-другой вышедший из печати литературный труд об армии той страны, в которой они находились. Эти офицеры являлись сливками русского офицерского корпуса не по своим знаниям военного дела и способностям к сбору нужных сведений и к изучению армий соседей, а по своему социальному положению. Поэтому даже самые лучшие из них не могли дать ничего ценного своему главному штабу в вопросе об иностранных армиях.

По словам офицера Генштаба полковника М. Грулева⁹, лишь в 1908 г. впервые было введено обязательное командирование капитанов гвардии в офицерскую стрелковую школу.

⁹ См. М. Грулев. Злобы дня в жизни армии. 1911 г.

До того времени «для офицеров гвардии наука и знания считались предметами совершенно излишними».

Чтобы выйти из такого нелепого положения, когда в определенную страну назначался свыше военный агент, способный показывать только внешний лоск – парады, балы и т.п., т.е. быть не работником, а лишь представителем своей армии, к некоторым из них в более крупных странах пытались придавать по одному – по два молодых офицера, но тоже обязательно из гвардейских полков. Обычно они рано или поздно заражались настроениями своих шефов и шли по их стопам.

Поэтому неудивительно, если Россия накануне Русско-японской войны имела военным агентом в Японии протеже военного министра Куропаткина, полковника Ванновского, который не стеснялся утверждать, что «при всяком значительном усилии японских солдат у них делается болезнь – опухоль языка¹⁰».

Характерно, что даже по возвращении в Россию Ванновский считал возможным писать в своем докладе, что «японская армия далеко еще не вышла из состояния внутреннего неустройства, которое неизбежно должна переживать всякая армия, организованная на совершенно чуждых ее народной культуре основаниях, усвоенных с чисто японской слепой аккуратностью и почти исключительно по форме, а отнюдь не по существу, как, впрочем, это замечается и во всех прочих отраслях современной японской жизни. Вот почему, если, с одной стороны, японская армия уже давно не азиатская орда, а аккуратно, педантично организованное по европейскому шаблону более или менее хорошо вооруженное войско, то с другой – это вовсе не настоящая европейская армия, создавшаяся исторически, согласно выработанным собственной культурой принципам.

Пройдут десятки, может быть сотни лет, пока японская армия усвоит себе нравственные основания, на которых зиждется устройство всякого европейского войска, и ей станет по плечу тягаться на равных основаниях хотя бы с одной из самых слабых европейских держав. И это, конечно, в том случае, если страна выдержит тот внутренний разлад, который происходит от слишком быстрого наплыва чуждых ее культуре исторической жизни идей...»

Эта оценка японской армии, видимо, весьма понравилась Куропаткину, и он на этом докладе Ванновского написал: «Читал. Увлечений наших бывших военных агентов японской армией уже нет. Взгляд трезвый¹¹».

Еще более «суровый и уничтожающий» отзыв о японской армии дал ген. Иванов – начальник штаба 1-го Сибирского корпуса, присутствовавший в 1901 году на маневрах японской армии.

По словам того же Поливанова (см. выше), дело в конце концов дошло до того, что, помимо Ванновского, для обследования японской армии был командирован полковник Генштаба Адабаш. Но он, однако, ограничился лишь тем, что вошел в контакт с французским военным агентом и пользовался исключительно его сведениями.

Весьма характерный пример того, какие требования предъявлялись офицерам, командировавшимся за границу, передаёт А. В. Богданович¹²:

«...Тобизен говорил, что когда царь решил послать эскадру во Францию, он приказал дать себе список контр-адмиралов, которые хорошо говорят по-французски и которые хуже. Список говорящих похуже царь снова вернул, чтобы написано было, кто говорит по-французски хуже всех. Оказалось – Авелан. Он и был послан, чтобы меньше там болтал»...

¹⁰ См. А. А. Поливанов. Мемуары. Изд. ВВРС. 1924. Т. I.

¹¹ См. Русско-Японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. СПб., 1910. I.

¹² См. А. В. Богданович. Дневник. Запись от 27/X-1893 г.

Понятно, что при таком подборе лиц для разведывательной работы за рубежом от них нельзя было ожидать ничего путного.

С другой стороны, большим тормозом являлись также постоянные столкновения военных агентов с послами. Последние никак не могли примириться с полуавтономным положением военных агентов. В инструкции военным агентам¹³, утвержденной военным министром 16-го декабря 1880 года, взаимоотношения между военным агентом и послом определялись следующим образом:

«В официальных своих сношениях они (военные агенты. – К. З.) должны строго следовать указаниям дипломатических наших представителей, к которым должны обращаться также в случае всяких недоразумений и до сведения коих обязаны доводить как общие результаты своей деятельности, так в особенности все данные, имеющие политический характер».

Но этого для министерства иностранных дел было мало. В 1900 г. оно подняло вопрос о полном и непосредственном подчинении военных агентов послам, мотивируя это требование тем, что послы в большинстве случаев являются сведущими в военных вопросах.

Военное министерство на это не пошло, и в результате дальнейшего спора в силе осталось прежнее положение.

Здесь кстати будет привести один пример, характеризующий осведомленность послов в военных вопросах¹⁴:

«19 января 1891 г. обедал у нас Церпицкий, командир Выборгского полка имени императора германского Вильгельма. Рассказывал, что в Берлине граф Шувалов собрал всех русских офицеров, там находящихся, чтобы узнать их мнение о германской армии, и предложил им всем дать письменные ответы, дав на эту работу час времени. Сам он тоже написал. Когда были прочитаны эти ответы, которые очень высоко ставили германскую армию во всех отношениях, Шувалов сознался, что он, как отставший от военного дела, не понимал дела, так что признавал германскую армию хорошей, но не столь блестящей, как сейчас увидел из прочитанных отзывов, что, значит, он вводил правительство свое в заблуждение, не придавая в своих отчетах этой армии никакого значения»...

Средства на секретные расходы военным агентам также отпускались крайне своеобразно. Самая большая сумма была 3.000 рублей в год. Эта сумма, предназначенная на секретные расходы, отпускалась в безотчетное распоряжение военного агента, и в расходовании ее он ни перед кем не отчитывался.

Официальную военную литературу, карты и т.п. военные агенты не имели права закупать без особого в каждом отдельном случае разрешения Главного штаба. На такого рода покупки отпускались особые суммы. О каждой вышедшей военной книге военный агент обязан был давать свой отзыв-рецензию, и лишь после этого он получал предложение ее приобрести. Как военные агенты ухитрялись давать отзывы о книгах, не покупая их, остается секретом русского Главного штаба...

Несмотря, однако, на такую своеобразную постановку дела, при которой военные агенты о порученной им наблюдению иностранной армии знали чрезвычайно мало, они все же при составлении описания этой армии имели чуть ли не решающее слово. Технически это проделывалось следующим образом. Обзор в двух экземплярах с широкими свободными полями составлялся кем-либо из офицеров центрального органа разведки. После этого один экземпляр обзора отсылался соответствующему военному агенту, который должен был его проредактировать и внести свои поправки. Таким образом, получалась весьма своеобразная картина: человек, видевший только внешний лоск и блеск армии, имевший только то, что ему считали нужным дать и показать официальные учреждения, должен был давать оценку обзору этой армии,

¹³ См. Инструкцию военным агентам. Изд. 1880 г.

¹⁴ См. А. В. Богданович. Дневник.

составленному в некоторой своей части на основании секретных документов, абсолютно этому военному агенту неизвестных и нередко противоречивших полученным им официально материалам.

Таким образом, ясно, что ценность русских военных агентов в деле разведки и изучения иностранных армий в большинстве случаев была равна нулю. Русское военное ведомство в то время еще совершенно не умело использовать этот институт для изучения иностранных армий и боевой мощи своих соседей.

Такое положение сохранилось в неприкосновенности вплоть до Русско-японской войны.

Глава пятая

Тайные военные агенты

Агенты при посольствах и консульствах. – Процедура оформления назначения тайного военного агента. – Маскировка тайных агентов. – Забота министерства иностранных дел о сохранении «добрососедских отношений» с иностранными государствами в ущерб разведке

Еще до узаконения института военных агентов в 1864 году почти все крупные государства, особенно перед задуманной войной, старались тайком включить в состав своих посольств по несколько офицеров для освещения военных вопросов. Россия в этом отношении не отставала от других государств.

Известно, что еще в 1810 году, готовясь к предстоящей войне, Барклай-де-Толли просил русских посланников в Пруссии, Австрии, Франции, Швеции и Саксонии собирать сведения «о числе войск, об устройстве, вооружении и духе их, о состоянии крепостей и запасов, способностях и достоинствах лучших генералов, а также о благосостоянии, характере и духе народа, о местоположениях и произведениях земли, о внутренних источниках держав или средствах к продолжению войны и о разных выходах, предоставляемых к оборонительным и наступательным действиям»... Для облегчения этой задачи посланников военный министр признал нужным иметь при значительных миссиях офицеров, которые бы «если и не исключительно, то в особенности бы занимались наблюдениями по части военной во всех отношениях». С этой целью уже находились: Брозин – в Касселе, Ренни – в Берлине, полк. Тейльфон-Сераскирхен – в Вене, майор Прендель – в Дрездене, поручик Граббе – в Мюнхене¹⁵. Большинство из этих офицеров находилось при указанных миссиях под видом гражданских чиновников и служащих министерства иностранных дел.

С конца же XIX и начала XX веков параллельно институту официальных военных агентов строился институт тайных военных агентов, главным образом на следующих принципах: в какое-либо пограничное консульство под видом консула, вице-консула или секретаря консульства направлялся рядовой, не именитый, офицер Генерального штаба. В большинстве случаев ему поручался сбор нужных сведений посредством личного наблюдения, разговоров с нужными людьми и т.д., в исключительных же случаях допускался подкуп нужных лиц, покупка секретных документов и сведений. Таким образом, эти офицеры являлись как бы организаторами и руководителями агентурной сети в отведенном им районе.

Вся сеть тайных военных агентов, которую имело Особое делопроизводство на западе, состояла из несколько консулов (в Данциге, Черновицах, Бродах) и нескольких служащих консульств – в Кенигсберге, Будапеште и пр.

Но водворение этих офицеров в пункты их деятельности было сопряжено с неслыханными формальностями и канцелярской волокитой, заключившимися в следующем.

Особое делопроизводство отмечало кандидата на пост тайного военного агента. Об этом представлялся доклад начальнику Главного штаба. Последний представлял этот доклад в перефразированном виде военному министру. Военный министр запрашивал согласие министра иностранных дел, который обычно такие вопросы не решал в Петербурге, а запрашивал мнение соответствующего посла. Если же речь шла о назначении офицера вице-консулом или секретарем консульства, то посол запрашивал об этом также и мнение консула. Ответы всех этих инстанций шли обратно по той же бюрократической лестнице в своем первоначальном порядке.

¹⁵ См. Материалы военно-ученого архива Главного штаба. Отечественная война. Тт. I и II.

Когда, наконец, военный министр получал благоприятный для выдвигаемого кандидата ответ, он испрашивал «высочайшего соизволения». После получения этого «высочайшего соизволения» офицеру предлагалось подавать по команде на высочайшее имя прошение об отставке. Наконец отставка получена. Офицер подает прошение на имя министра иностранных дел о зачислении его на службу по этому министерству. В последнем он числится в «резерве чинов» от 2 до 5 месяцев для ознакомления со своими новыми обязанностями и «убеждения всех, его знающих, в том, что серьезно решил порвать с военной службой и пойти по дипломатической служебной лестнице».

И лишь после прохождения всех этих мытарств и получения согласия того правительства, куда офицер назначался, он мог отправиться к месту новой службы.

С первого взгляда может показаться, что вся эта длиннейшая процедура, тянувшаяся месяцами, а иногда и годами, проделывалась с целью самым тщательным образом замаскировать предстоящую тайную деятельность офицера. Эта цель, однако, не достигалась, и вся процедура имела совершенно обратные последствия. Дело в том, что во всех этих бесчисленных докладах и письмах, с пометками «совершенно секретно», «доверительно» и т.д., совершенно открыто писалось о секретном назначении офицеров. Такого рода письма на имя послов, консулов и обратно, запечатанные сургучными печатями и имеющие соответствующие надписи, обычно посылались простой почтой. Понятно, что в «черных кабинетах» эти письма подвергались соответствующей обработке, и не успевал еще офицер прибыть к месту новой службы, как контрразведка той страны, куда он должен был ехать, уже до мельчайших подробностей знала о его секретных поручениях и истинном его назначении.

Посол в Берлине граф Шувалов находил такого рода маскировку тайных военных агентов шитой белыми нитками еще и по следующим соображениям, о которых он писал министру иностранных дел 9-го февраля 1898 года:

«...Я смею полагать, что раз на офицеров возложена будет ответственная и сложная обязанность, то необходимо было бы для пользы самого дела поставить этих офицеров в такое положение, которое обеспечило бы их по мере возможности от подозрения германским правительством истинной цели их пребывания в пограничных местностях и рода их занятий.

До сих пор большинство наших консулов имеет при себе в качестве секретарей лиц вольнонаемных, занятых, так сказать, черной работой, отчего и звание это в Германии считают равносильным канцелярским писарям.

Теперь же, если эти должности неожиданно займут люди, принадлежащие к высшим классам общества, с выдающимся образованием и положением, то не изволите ли ваше прво допустить, что у местных явится невольное подозрение об истинной причине появления подобных консульских секретарей в пограничных с Россией местностях.

Раз же подозрение здешней полиции, зорко следящей за всеми русскими, будет возбуждено, то за нашими негласными агентами будет учрежден такой бдительный надзор, что всякая деятельность их будет парализована. Хорошо еще, если дело ограничится этим, ибо в противном случае, при малейшей неосторожности со стороны нового секретаря консульства, мы рискуем иметь целый ряд самых прискорбных столкновений с опасностью испортить наши соседские отношения...»

В этом отношении у Шувалова имеется несколько благоразумных мыслей, заслуживающих внимания. Но в последнем указании о «порче соседских отношений» сказывается совершенно открыто точка зрения министерства иностранных дел, вечно мечтавшего лишь о «соседских отношениях» в ущерб всему остальному.

Глава шестая

Командировки офицеров в соседние страны

Благовидные предлоги этих командировок. – Командировки офицеров за границу в разведывательных целях многими управлениями военного ведомства и штабами военных округов. – Отсутствие обмена результатами этих командировок. – Насыщение пограничной полосы командированными и, как результат этого, – провалы. – Провал двух русских офицеров на торжествах открытия Кильского канала и вмешательство в это дело Вильгельма II

Видя, что ни официальные, ни тайные военные агенты ничего существенного по военной разведке не дают, Главный штаб начал практиковать в весьма широком масштабе командировки молодых офицеров Генерального штаба в соседние страны, под тем или иным благовидным предлогом. Но этим делом занимался не только Главный штаб в лице своего Особого делопроизводства. Офицеров командировали за границу все, кому только было не лень, – почти все главные управления военного министерства, морского ведомства и штабы военных округов. Нередко одни и те же задачи возлагались на офицеров, командимуемых различными управлениями. Полученными в результате этих командировок сведениями указанные управления обменивались лишь иногда, и то, как мы уже указывали выше, совершенно случайно.

Командировки офицеров производились под самым разнообразными предлогами, – под видом лечения, отпуска, поездки на охоту, на маневры, к родным в гости, под видом путешествия, усовершенствования в иностранных языках и т.д. Командировались они также под ширмой коммерсантов, ученых, учащихся и т.д. Но все это делалось без определенного плана и системы, без соблюдения должной конспирации, без распределения между разными управлениями районов обследования и задач. В результате получалось, что в одном, более интересном районе такого рода разведчиков скопилось громадное количество, в то время как в других не было ни одного. Даже отчетные отделения штабов военных округов, которые тоже весьма широко практиковали такого рода командировки, не согласовывали их с Главным штабом и даже предварительно об этом ему не сообщали. Лишь по окончании такой командировки некоторые (далеко не все) отчетные отделения представляли в Главный штаб копии отчетов по этим командировкам.

В результате такого хаоса получалось, что контрразведка соседей без большого труда раскрывала этих разведчиков, командированных под ложными предлогами арестовывала, а командированных под благовидными предлогами ставила в такие условия, что при всем желании большинству из них ничего сделать не удавалось.

Арестованных таким образом офицеров обычно судили и после вынесения приговора обменивали на таких же своих неудачников. Нередко в этом обмене осужденных за шпионаж принимали участие даже цари.

В общем можно сказать, что такого рода приемы разведки стоили весьма дорого в смысле денежных средств и в смысле потерь людьми. Никаких ценных результатов дать они не могли, как по условиям и обстановке работы, так и благодаря личному составу офицеров, получавших такие командировки.

Так, например, перед Русско-японской войной командующий войсками Приамурского округа пробовал отправлять в Японию в отпуск на 2–3 месяца по несколько офицеров, выдавая им небольшую – в размере 300–400 рублей – денежную поддержку и требуя от них представления «какого-нибудь отчета о том, что они видели и слышали». Первые же «отчеты» убедили в совершенной бесплодности этой меры. И это понятно, ибо что мог видеть, слышать и понимать

в иностранной армии юный поручик без всякой соответствующей подготовки и при полном незнании иностранных языков¹⁶?

Следующая выписка из письма (от 10 июля 1895 года) Вильгельма на имя Николая Романова¹⁷ также дает представление о том, как производилась такого рода разведка и чем она иногда кончалась:

«...Случилось одно происшествие, о котором, мне кажется, я должен сообщить тебе, так как я уверен, что произошло оно без ведома Алексея, а став известным среди нашего офицерства, оно произвело очень неприятное впечатление. На борт „Грозящего“ – судна, на котором я пригласил адмирала Скрыдлова и его капитанов пройти канал (речь идет о торжестве открытия Кильского канала. – К. З.), тайным образом были приняты два инженерных офицера, о присутствии которых ничего не было заявлено нашим властям. Старшим был полковник Бубнов. Офицеры эти вместе с лейтенантом, специалистом этого дела, имевшим большой фотографический аппарат, все время делали снимки с наших фортов и батарей, заметки и рисунки, и, наконец, когда Скрыдлов заметил, что мой морской атташе был очень удивлен, видя на судне совершенно незнакомых людей, – они были ему представлены, как два управляющих водными работами и водными путями. В Киле поведение Бубнова сделалось настолько подозрительным, что полиция и жандармы стали за ним следить. Он ходил переодетым в статское платье и шатался вокруг укреплений, что иностранцам строжайше воспрещается.

¹⁶ См. М. Грулев. Злобы дня в жизни армии.

¹⁷ См. Переписка Вильгельма II с Николаем И. Госиздат, 1923. Письмо № 9.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.